

*Эта книга взяла меня за живое
и внушила желание снова влюбиться! Это классно!*

Serial lectrice. Amazon.fr

Аньес Ледиг

МАРИ В ВЫШИНЕ

18+

Премия читательниц журнала FEMME ACTUELLE

Азбука-бестселлер

Аньес Ледиг

Мари в вышине

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Ледиг А.

Мари в вышине / А. Ледиг — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Азбука-бестселлер)

Герои романа французской писательницы Аньес Ледиг «Мари в вышине» – вполне себе земные люди, только очень разные. Тридцатилетняя Мари – фермерша, а это значит вкалывать по восемнадцать часов в сутки без отпуска и выходных, коровам ведь не скажешь: «Пока! Вернусь через неделю»; только и радости, что ее маленькая дочурка. Неуклюжий и замкнутый Оливье – полицейский в сельском округе. Жизнь их не баловала: мать Мари бросила ее в раннем детстве, девочку вырастили дедушка с бабушкой, а Оливье от родителей достались лишь воспоминания об их ссорах да шрам на подбородке. Оба мечтают о счастье, но у каждого свои скелеты в шкафу, а характеры круче некуда. И вот война объявлена! Исход неясен.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Ледиг А., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	16
5	21
6	23
7	24
8	25
9	29
10	30
11	33
12	35
13	37
14	38
15	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Аньес Ледиг

Мари в вышине

© Р. Генкина, перевод, 2015

© А. Давыдов, перевод стихов, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Моему Натаниэлю, который там, в вышине.
Маленькая звездочка, мерцающая в необъятности небес.
Бенжамину и Анполине, моим детям здесь, внизу.*

Дети, такова жизнь...

Блистанье молнии... и снова мрак ночной!
Взор Красоты, на миг мелькнувшей мне случайно!
Быть может, в вечности мы свидимся с тобой;

Быть может, никогда! и вот осталось тайной,
Куда исчезла ты в безмолвье темноты.
Тебя любил бы я – и это знала ты!

Шарль Бодлер. Цветы зла (Перевод Элиса)

1

Я вам не понравлюсь.

И по вполне понятным причинам. Я полицейский, одинокий бирюк, не внушающий симпатий. Одинокий-то одинокий, но меня неизменно сопровождает неразлучная парочка: персональный белоснежный ангел, который восседает на моем правом плече и изводит меня своим ханжеством и хорошими манерами, внушая, что я мог бы вести себя и поприветливей, и посередней или хоть малость повежливей. С другого плеча ему по любому поводу перечит мой личный алый бес; он жужжит мне в ухо, что я совершенно прав, оставаясь мерзким типом, а все остальные и не заслуживают ничего лучшего, чем мои суровые взгляды и злобные выкрики. Око за око, зуб за зуб, такова жизнь. Было бы проще, если б я избавился от одного из них. Все равно от которого, лишь бы они перестали цапаться. У меня от них голова раскалывается.

Если верить результатам моих школьных экзаменов и первых любовных игрish, я вполне развит интеллектуально и не отвратителен физически, но у меня нет желания быть приятным.

Просто полицейский, если на то пошло, хоть я и ненавижу эту работу. По крайней мере, жить можно, и на том спасибо. Но жить одиноким и не внушающим симпатии, с чем смириться труднее.

Одиночество – это причина антипатичности или ее следствие? Пресловутая многовековая дискуссия о яйце и курице. Но если б я удавил в зародыше, в яйце, собственную мрачность, прежде чем она всплыла на поверхность, то, возможно, оказался бы прелестным цыпленком. И тогда мне не пришлось бы, как сейчас, размышлять о жизни за рабочим столом, вперившись в пустоту.

Собачья жизнь!

Из грез меня вырывает авторучка. Фанни, дежурная, изо всех сил запустила ею в мою стеклянную дверь. Будь она персонажем мультика, сейчас ее глаза метали бы молнии. Вместо этого она размахивает руками, подавая мне какие-то знаки. Ни дать ни взять – сурдопереводчица с Третьего канала, которая маячит на экране в маленьком окошке во время дебатов в Национальной ассамблее. Эй, я-то не глухой! Телефон... звонит... у меня в кабинете?

Точно, ну надо же!

Придется тащить обратно эту авторучку. А куда деваться. Сами посудите, не станет же Фанни шевелить своей жирной задницей. Но это я про себя так думаю. С ней я своим мнением не делюсь, даже на языке жестов. Вот если б она прекратила с утра до вечера жрать орешки и ходила на работу пешком, ну, в крайнем случае, ездила на велосипеде... Она живет в трех улицах отсюда. Я точно знаю, на второй день после моего назначения сам видел, как она загрузилась у своего дома в машину. На третий я ей намекнул, что лучше бы заказать контейнер орешков напрямую у китайцев, получила бы скидку. И смогла обзавестись велосипедом. В ответ она послала меня куда подальше.

Звонок был переведен на нее, раз уж я не отвечал. Я увидел, как она давит на кнопку на своем пульте с той же яростью, с какой жмут на телевизионный пульт, когда тот отказывается работать, и адресует мне новый залп молний. Я снял наконец трубку, выжав улыбку продавца кухонных гарнитуров.

– Лейтенант, мы его засекли! Маленькая ферма на холмах над деревней. Называется Верхолесье. Старшина Готье знает.

– Отлично, оставайтесь на месте, в укрытии, до нового приказа. Сейчас прибудем с подкреплением.

Наконец-то хоть немного действия. Три недели, как я здесь, и ничего бодрящего. Этот перевод в Ариеж совершенно меня не вдохновлял, но мне было нужно повышение. Позарез. Банкир начал нарезать круги в небе – древний рефлекс стервятника, который видит, что львица

сейчас вцепится в круп теряющей последние силы зебры. В моем случае в круп мне готова была вцепиться помощница по хозяйству, которую я нанял для Мадлен. Ну, можно и так сказать, ясно?! Она была уже не очень молода, скорее страшненькая, говорила громко – привычка, приобретенная благодаря общению со стариками, с которыми ей приходилось возиться. Но к ним она относилась по-доброму. Уже неплохо.

Таким образом, счет мой балансировал на грани дозволенной задолженности. Богачом я никогда не был, но тут уже меня затягивало в Падирак!¹ Мне светили банковские санкции.

Почему меня это назначение не вдохновляет? Потому что я городской парень, ни к чему другому не привык, и в Ариеже мне будет скучно. Единственный плюс – смогу пошляться вокруг катарских замков на своем горном велосипеде и с альбомом для зарисовок. Всего и радостей. Что до остального, меня в бригаде предупредили: *В твоём районе одни крестьяне.* Супер! Привет, друзья-навозники, а вот и я...

После доброго часа, проведенного в дороге, мы проезжаем через деревню и сворачиваем к вышеозначенной ферме. Готьё описывает мне положение вещей. Он в курсе, он же местный. Все хозяйство ведет одинокая женщина. По его словам, она не сообщница, это точно. Я замечаю, что, если мы обнаружим там разыскиваемого Мартена, неприятностей хозяйке фермы все равно не миновать. Он уточняет, что характер у нее еще тот.

– Это что-либо меняет в необходимых процессуальных действиях?

Вместо ответа неопределенная улыбка скользит по его губам, пока он продолжает разглядывать пейзаж. Ну не спасую же я еще и перед старухой-фермершей?!

Мы останавливаемся чуть ниже, у большого каменного здания.

– Рассредоточьтесь вокруг строений. И без глупостей, парни.

Под моим началом восемь человек. Для меня это в новинку. Но повышение есть повышение. Проба пера, и теперь подчиненные выжидают, куда я выверну. Пока стрелка где-то на середине...

Мы с Готьё выдвигаемся к большому двору, с трех сторон окруженному постройками, расположенными в форме подковы. Нас сопровождают два жандарма. Остальным приказано оцепить ферму и обшарить каждый уголок. Наша задача – задержать пресловутую норовистую фермершу.

В конце дороги деревянная табличка с надписью: «Собака с придурью».

– Собака с придурью – это как? – спрашиваю я у Готьё.

– Сегодня она обнюхивает вам ширинку, виляя хвостом, а завтра может вцепиться в яйца.

– Это шутка?

– Нет, зарисовка. Она не злая, просто стережет ферму.

Час от часу не легче! Фермерша с характером, собака с придурью. А коровы у нее что, шизофренички?!

Мы медленно продвигаемся по двору.

– А что это за шум?

– Доильный аппарат, лейтенант. Сейчас пять часов пополудни. Она, наверное, там.

– Как ее зовут?

– Мари Берже.

– Вы с ней знакомы?

– Как сказать... Я сам из соседней деревни. У нее репутация...

Репутация? Какая репутация?

¹ Падирак – пещера во Франции, считается самым большим подземельем Европы. Провал глубиной 103 метра, скрывающий 40 километров подземной реки и несколько озер. По легенде, эта пропасть – дело рук дьявола.

У него не остается времени ответить. Фермерша с репутацией и характером уже вышла из дома, привлеченная отчаянным лаем своей придурковатой собаки, который доносится из помещения для дойки.

Вот это да, слов нет!

Я-то думал увидеть крепко сбитую пожилую крестьянку с платком на голове, в цветастой юбке и сапогах. И с торчащими на подбородке волосками. А ей лет тридцать, она в синем рабочем комбинезоне, который ей велик на несколько размеров. Я бы в нем выглядел как толстяк с рекламы шин «Мишлен». А она, видно, тоненькая, как прутик. Что там у нее в правой руке? Хоть она и кажется безобидной, беру ее на мушку. Репутация, характер, странный предмет в руке, полоумная собака и шизофренические коровы – все это не внушает доверия.

– Не двигаться! Мы разыскиваем некоего Мартена. Жан-Рафаэля Мартена. Все указывает на то, что он находится здесь! – взревел я.

– Все указывает на то, что вы немедленно опустите свою пушку, если хотите, чтобы я вам ответила. Лично я ничего плохого не сделала. И смените тон!

Она наверняка заметила, что я гляжу на ее руку, потому что добавляет на одном дыхании:

– Антисептик для вымени не входит в перечень холодного оружия. Или уже входит?

Слышу, как прыскает Готье. Теперь я лучше понимаю его предыдущее замечание. Если б он уточнил, какой именно у нее характер, я бы подошел к задержанию слегка по-иному. Оба жандарма отворачиваются, чтобы похихикать в рукав, прежде чем снова обрести серьезность. Относительную. Опускаю оружие и убираю его в кобуру. Неплохое начало. Ненавижу, когда надо мной насмеются.

Делаю глубокий вдох, чтобы продолжить допрос, и тут вижу, как она разворачивается и направляется обратно в коровник.

– Куда это она?

– Дойка, лейтенант... Коров ждать не заставишь. Если хотите задать вопросы, придется идти за ней или подождать, пока она закончит.

Нет, это просто в голове не укладывается.

За три минуты она умудрилась выставить меня недоумком перед половиной моей команды, которая не преминет доложить другой половине еще до захода солнца. А значит, прощай, надежда, что они будут принимать меня всерьез. Кончено дело. Спасибо, мадемуазель!

Как-то не очень вяжется свинский характер и тело газели. Или, скорее, газель схавала львицу. В данном случае пищевая цепочка развернулась в обратную сторону. С другой стороны, чтобы жить одной здесь, в этой богом забытой дыре, и управляться со стадом коров, необходимо обладать изрядным мужеством и решимостью, а значит – характером. Особенно если коровы шизофренички.

И все-таки с фасада она хорошенькая, да и сзади ничего – симпатичная крепкая попка. Тут уж мой внутренний мачо присвистнул, как итальянец на пляже. Наверняка от удивления. По программе предполагалась толстуха в цветастой юбке и клетчатом фартуке. Похожие фартуки демонстрируют в каталоге «Ля Редут» как раз перед нижним бельем. Мадлен иногда заказывала такой для всяких хозяйственных нужд. А я пролистывал следующие страницы, под одеялом, с карманным фонариком, после того как она уже отправлялась спать, чтобы меня не застали тяжело дышащим.

Мужской мозг в состоянии удивления или воздержания. Кстати, когда я в последний раз?..

Ладно, этого Мартена так и так нужно найти. Кюре подал жалобу. Если не случится чуда, в следующее воскресенье никакой проповеди не будет. Мартен таки здорово его помял.

Помещение для дойки маленькое и темное. Я спускаюсь в бетонированную канаву, которая идет вдоль загона, где она суетится вокруг своих коров. Доильный аппарат слишком шумный, чтобы можно было слышать друг друга издали.

– Здесь кто-нибудь скрывается? Лучше сами выкладывайте. Мои люди обыскивают ферму, рано или поздно они все равно его найдут.

– Что Жан-Рафаэлю здесь делать?! Осторожней!

– Осторожней с чем?

Ответить она не успевает. Я чувствую теплые брызги на шее, в нос ударяет запах мочи. Вот черт! Только этого не хватало. Заметьте, на Готье ни капли не попало. Он остался наверху, в дверном проеме. Мог бы и меня предупредить. Ах ты ж, мать твою! А теперь соседняя корова начинает испражняться.

– И часто они так?

– Когда их беспокоят... Там позади вас есть бумажные салфетки. А что еще натворил Жан-Рафаэль?

– Напал на деревенского кюре с целью похитить церковные пожертвования. Сумма невелика, но кюре здорово пострадал. И это вроде бы не в первый раз. Но теперь кюре хочет подать жалобу.

– Какой идиот!

– Кюре?

– Нет, Жан-Рафаэль! В любом случае, не понимаю, что ему делать здесь.

– Просто мои люди видели, как он направлялся к вашей ферме и обратно не выходил.

– Что ж, я не в курсе. Я не сижу целыми днями у дома на лавочке, наблюдая, кто пришел, а кто ушел, мне есть чем заняться, а собака была со мной, помогала загнать коров в стойло. Ищите сами, у меня нет времени.

Что ж, мила и рвется сотрудничать. Так мы быстро продвинемся. Неудивительно, что она не замужем!

Готье делает мне незаметный знак. Они нашли его. Это было нетрудно. Стоит во дворе, двое жандармов по бокам, на запястьях наручники, в волосах солома, на лице простоватая улыбка. Одно слово – идиот. Ему зачитывают его права и усаживают в одну из машин.

Но я пребываю в серьезном затруднении. Мне бы следовало прихватить и девицу – в интересах следствия. Куда ни кинь, а она укрывала типа, которого в течение двух дней разыскивали за кражу с применением насилия.

Готье пытается меня переубедить. По его мнению, она была не в курсе. И если я все же вознамерюсь отвезти ее в участок, она откажется ехать. По крайней мере, по собственной воле.

– А зная ее... – добавляет он.

Ладно, ладно, все в порядке, я понял, скандал нам ни к чему. Что ж, придется действовать по-другому. Я возвращаюсь, чтобы задать свои вопросы среди коров, машинного грохота и запахов скота. Но обстановка мало способствует получению нужных и надежных сведений. Она полностью поглощена своей работой и совершенно не интересуется моей. Я бросаю эту затею. Мне на спину попадает новая порция мочи – прощальный привет от крайней коровы. Учитывая все предыдущее, мне от этого ни холодно ни жарко. Разве что немного тепло – на шее.

– Я еще заеду задать вам несколько вопросов. Постарайтесь в ближайшие дни не покидать вашего места жительства.

– А куда я денусь вместе с коровами?! И наденьте какое-нибудь старье, если приедете в момент дойки.

Очень смешно.

– Вы не представились.

– Лейтенант Оливье Деломбр.

Она на меня даже не глядит и продолжает заниматься своим делом, будто меня здесь уже нет. Красивая, но строптивая.

Направляясь через двор к подчиненным, на ходу стягиваю с себя мокрую майку и бросаю ее в багажник. Что поделать, поеду с голым торсом.

Напарник бросает на меня короткий взгляд.

– Ну и характер, верно?!

Это мы уже слышали...

Готье тип нейтральный. Нельзя сказать, что неприятный, но и не самый заводной. Он делает свою работу. Скорее успешно, судя по записям его начальства. Он маленький, subtilный, с очень короткими волосами, если не считать пряди спереди, которую он каждое утро ставит по стойке «смирно». Как Тинтин². Если бы он не вызывал симпатию, я бы считал его смешным.

Я человек в основе своей двоичный. Черное или белое. Виновен или невиновен. Добрый или злой. Красавица или уродина. Поэтому симпатичный тип не может быть смешон. Неприятная женщина не может быть красивой. Принцип классификации довольно ограниченный, но простой в применении.

А вот куда поместить Мари Берже – не знаю. Ноль или единица? Наше первое столкновение заставляет задуматься о цифрах после запятой.

² *Тинтин* (Тэнтэн) – персонаж одного из популярнейших европейских комиксов «Приключения Тинтина» бельгийского художника Эрже.

2

Антуан говорит, что я не такая крестьянка, как другие. Ему пришлось смастерить специальные приводы к педалям трактора, чтобы я могла дотянуться до них не вставая, что, конечно же, куда удобнее. Особенно с сеном, когда целый день не отрываешь задницу от раскаленного сиденья. И потом, мне приходится заказывать рабочие комбинезоны в Интернете, чтобы найти размер XS. Во Франции таких не существует. А в остальном я читаю «Журнал скотовода» и «Сельскохозяйственную Францию», состою на учете в молочном контроле, центре осеменения, в совете по управлению, в разных коммерческих объединениях, которые, набравшись наглости, обирают нашу глубинку, и еще я плачу взносы в ОСВ. Общество сельскохозяйственной взаимопомощи. Страхование здоровья крестьян. По части умения переложить все траты на наши головы им нет равных. Дефицит средств на покрытие страховки? Они такого не знают. Просто каждый из нас должен вложить свой камень в крепостную стену. И мы прилежно латаем дыры в их бюджете, внося дополнительные взносы на медицину, иначе нам возместят какие-то крохи, и вот денежки, отложенные на старость лет, уходят на то, чтобы оплатить в двойном размере какую-нибудь операцию на бедре, хотя их хватило бы на пятьдесят лет аренды трактора. ОСВ? Общество СверхВимогательства, вот что это такое!

Так что ворчу я, как и все прочие.

Нет, Антуан говорит, что я другая, потому что такой уж уродилась. Я здесь обосновалась не ради принципа, а по естественному влечению души. Как жрица или священник. Иногда, подбив бухгалтерские расчеты и глядя на чистый остаток, я спрашиваю себя, может, я из мистиков или иллюминатов. Но, в сущности, вряд ли я могла бы заниматься чем-то другим.

Антуан большой поклонник «Астерикса». На все времена. Он помнит наизусть все реплики, знает всех персонажей и каждый сюжетный ход. Он утверждает, что, если бы существовал «Астерикс среди коров», я вполне могла бы заменить Обеликса³. Только вместо чана с волшебным напитком мне пришлось бы упасть в бидон с молоком. Но у меня не те параметры, что у Обеликса. А у Антуана – в самый раз. Только живот плоский. Вы мне скажете, что Обеликс без живота никакой не Обеликс. А менгиры?⁴ Помните про менгиры? Так вот, Антуан легко поднимает стокилограммового теленка. Я бы предпочла, чтобы он сравнил меня с Фальбалой, но не в его духе делать женщинам такие красивые комплименты.

А два дня назад несгибаемая фермерша, каковой я являюсь, также попала на заметку к римлянам.

Терпеть не могу, когда мне мешают во время дойки. Я начинаю путаться и что-нибудь забываю. Так вот, работаю я себе в своем ритме, и вдруг вижу в собственном дворе жандармов во главе с таким Юлием Цезарем, – весьма неприятный тип, который целится в меня из пистолета, желая срочно выяснить, не гостит ли здесь Жан-Рафаэль. Ну, вернула я ему любезность сторицей. Не будет же он стрелять в меня без всякого повода! При этом я едва не забыла подоить Виолетту. Тогда мне нечего было бы дать ее теленку.

Проблема в том, что они таки обнаружили его у меня в соломе – Жан-Рафаэля, а не теленка. Естественно, у вышеупомянутого типа появились ко мне вопросы. Ну и пусть хоть каждый день сюда катается со своими вопросами. Я не стану обносить ферму колючей проволокой, чтобы воспрепятствовать беглецам греться в моей соломе!

³ Обеликс – мужчина огромного роста и тучного телосложения, обладающий невероятной физической силой. В свободное от войн время Обеликс занимается разноской менгиров. Обеликс объясняет свою силу тем, что в детстве случайно упал в котел с волшебным зельем. Обратной стороной этой способности является неутолимый аппетит, заставляющий героя ежедневно поглощать огромное количество продуктов. Ему обычно не нравится, когда его называют «толстяком». Он влюблен в красавицу Фальбалу.

⁴ Менгир – простейший мегалит, установленный человеком; грубо обработанный дикий камень.

И все же Жан-Рафаэль перешел границы. Все знают, что он не семи пядей во лбу. Но тут его совсем занесло – а все из-за того, что он целыми днями пялится в телевизор, вот и решил взять пример с тех, кто зашибает деньги одной левой. Но дойти до того, чтобы напасть на кюре, стырить церковную кассу и заявиться на мою ферму! Во-первых, почему на мою?

– Во-первых, почему на вашу ферму?

– Мне-то откуда знать! Может, потому, что ферма стоит в отдалении. А может, потому, что я не сделала ему ничего дурного, в отличие от многих других.

Лейтенант Деломбр объявился на следующий день после задержания, сразу после полудня. Он явно постарался не попасть на время дойки. Был холоден и отстранен. Ремесло копа ему очень подходит. И все же я предложила ему кофе. У нас не принято принимать людей в доме, не предложив им кофе. Он хмурил брови, как будто пребывая в постоянных размышлениях. Не думаю, чтобы это соответствовало действительности. Ему бы расслабиться немного, а то язву заработает.

Мы поговорили о Жан-Рафаэле. Ушло добрых полчаса на то, чтобы описать его и порассуждать о мотивах его поступка. Он парень ничего. Просто бедный брошенный мальчишка, родившийся под несчастливой звездой. Очень рано его как сироту поместили к Монике, в приемную семью. Ограниченный интеллект, этакий Форрест Гамп, только с ногами все в порядке. Возможно, из-за слабоумия его не усыновили и он так и оставался у нее на протяжении долгих лет. Наверно, ему тяжело было видеть, как другие дети уходят один за другим к новым родителям, а его никто не хочет. И сегодня его по-прежнему никто не хочет, за исключением Моники, которая в конце концов полюбила его, как собственного сына.

Не его вина, если у него дворники заедают.

Повзрослев, он остался у Моники. А куда ему было деваться? Диплома нет, в голове две извилины. С трудом выбили ему крошечную пенсию по инвалидности да пристроили деревенским дворником, сунув в руки метлу, чтобы как-то его занять. Естественно, при виде легких денег у него крыша едет. А поскольку в церкви на воскресной службе он всегда устраивается в задних рядах, то корзиночка с пожертвованиями мимо него проплывает довольно полной. Вот он и польстился...

– Вы хорошо его знаете?

– С детского сада, мы же одного года. И Готье тоже, кстати...

– Да? А мне он сказал, что родом из соседней деревни.

– Так ведь на три деревни один класс. Это вам не город! Что еще он вам сказал?

– Что вы с характером.

– И в чем проблема?

– Нет-нет, ни малейшей. Вы выставили меня на посмешище перед моими людьми, и ваши коровы внесли свой вклад, но все в порядке. Я переживу. Вот моя майка – нет, но это детали.

– А что на вас нашло? Наставили на меня свой пистолет, да еще и рывкнули!

– Такова процедура.

– Ну, если такова процедура... Тогда и у моих коров такова процедура. Протокол дойки, абзац три: *Писать, какать надо вдосталь на непрошеного гостя.*

Он не реагирует. Брови нахмурены. Холоден. Отстранен. Антипатичен. Язва на горизонте.

– А после детского сада?

– Он остался в деревне, я тоже, ну, более или менее, а значит, мы периодически видимся вот уже лет тридцать. И что ему теперь грозит?

– Возможно, тюрьма. Зависит от заключения психиатра.

– Печально, он ведь не злой.

– Он мог и на вас напасть!

– На меня? Ни малейшего риска. Он разок попробовал, лет в десять, во дворе. Я ему врезала между ног. Он минут пятнадцать простоял на коленях, так его мутило. Больше он никогда меня не трогал.

Даже теперь, когда мы с ним сталкиваемся, я вижу, как его правая рука слегка сдвигается вперед, инстинктивно прикрывая ширинку, как будто у него это в гены впечаталось. Все мальчишки-сверстники были свидетелями той сцены, и больше никто из местных не смел вокруг меня крутиться. Может, поэтому я осталась без мужа...

– А вы живете одна?

Рано или поздно он меня достанет своими вопросами.

– А что, это часть допроса?

– Более-менее. Но еще и предупреждение. Вы женщина, живете одна в довольно уединенном месте...

– И что с того? Или вы планируете поставить палатку и нести караул? Я прекрасно сумею за себя постоять. И Альберт все слышит.

– Альберт?

– Моя собака.

– А почему Альберт?

– Потому что тогда был год имен на «А». Был бы год на «Э», назвала бы Эйнштейном. Альберт отлично умеет пригнать двадцать коров с поля, и ни одна не отобьется от стада.

– Я всегда мечтал о бордер-колли. То, на что они способны, просто потрясающе.

– В квартире им плохо, им нужно стадо.

– Знаю, поэтому у меня и нет собаки.

Стоило нам заговорить о собаке, морщинка между бровями исчезла – словно маска спала. Особенно когда я упомянула о единственном недостатке Альберта: он ест пауков. Само по себе это скорее достоинство, ведь обычно без пылесоса не обойтись. Проблема в том, что если попадется здоровый паук, то пса надо заставить выплюнуть его. Поначалу я думала, что он постепенно отучится, но ничего не поделаешь, это сильнее его. А на ферме крупных пауков пруд пруди. Тогда я приучила его блевать на улице. Уже кое-что. Лейтенант, казалось, разрывался между отвращением и восхищением героизмом моей собаки. Мне даже почудилась легкая улыбка. Такая же мимолетная, как падающая звезда. Если не смотреть в нужный момент в нужную точку, то пропустишь.

Слово за слово, мы проговорили больше часа, постепенно удаляясь от темы расследования. Собака, коровы, как устроена ферма, что я делаю с молоком. Странно. Этот на первый взгляд неприятный коп сумел перевести разговор на другую тему, заставив меня забыть и что он коп, и что он неприятный. У меня почти из головы выветрилось, что накануне он наставил на меня пистолет. Но что за игру он затеял?

После его ухода я, налив себе кофе, попыталась определить, какое впечатление он на меня произвел. И долго не могла нащупать. Он похож на полый кирпич с начинкой из миндального крема. Внешне серый, жесткий, шершавый – словом, почти отталкивающий тип, но с богатым внутренним содержанием. А главное – он показался мне уязвимым. Из-за вечно озабоченного вида у него на лбу прорезалась трещина – как на стене за домом, у огорода. Стена грозит обрушиться, так что в один прекрасный день мне придется ее чинить. Я с этим все тяну и тяну, потому что не люблю работать с бетоном; после такой строительной деятельности у меня три дня все тело ломит.

А полый кирпич может сколько угодно считаться кирпичом, но, если по нему пошли трещины, он нагрузки не выдержит. Есть такие люди: вроде и неприятные, и тоску наводят, и симпатии не внушают настолько, что пропадает всякая охота иметь с ними дело, и однако, иногда совершенно невольно, взглядом или жестом они умудряются вас чем-то зацепить, как ни отгораживайся. Они уходят, а вы вдруг ловите себя на том, что думаете о них с теплотой.

Не знаю, означает ли трещина у него на лбу начало обрушения или тот факт, что свои стены он возводил без должной сноровки. Или же это отметина куда более глубокого разлома. Узенький проход в гигантскую каверну, хранящую нежданные сокровища. Теперь я представляю его пещерой Ласко⁵. Что только в голову не лезет! Вообще-то, кирпич с миндальным кремом не многим лучше. Не удивляйтесь, есть у меня такая особенность: вечно выдумываю всякие несуразности.

Я по-прежнему кручу ложечкой в кофе, хотя сахар должен был раствориться минуты две назад, погрузившись в размышления об этом типе – влез в мою жизнь неожиданным и неприятным образом и все же кажется мне трогательным. Наверняка только мне. Бабуля вечно ворчала, что я так и норовлю притащить домой какую-нибудь покалеченную зверушку, найденную на обочине. А теперь, на ферме, больные животные всегда тянутся ко мне.

Словно я их притягиваю.

Мари Берже, обреченная подбирать беззащитных израненных крошек. С такого рода наклонностями она далеко пойдет...

А кто позаботится обо мне? Я тоже уязвима и изранена. Вот уже шесть лет, а все не проходит.

К счастью, рядом Антуан.

Когда я задаюсь вопросом, что бы я без него делала, он отвечает: *То же самое, но по-другому*. Зато вопрос *а ты без меня?* даже не приходит ему в голову.

⁵ Пещера Ласко – пещера на юге Франции, не имеющая себе равных по количеству, качеству и сохранности наскальных изображений. Иногда Ласко называют «Сикстинской капеллой первобытной живописи».

3

Эта маленькая фермерша ничего не боится. Пусть здесь, в Ариеже, кругом горы и покой, ее дом стоит совсем на отшибе. Правда, внизу, сразу за поворотом, обретается чета глухих старичков, но от них так или иначе никакого толка. Я в курсе, потому что опрашивал их, пытаюсь узнать, не заметили ли они какого-нибудь движения в окрестностях Верхолесья. Они не слышали даже моих вопросов. Старикан свернул кулек из бумаги в форме рожка и приложил его к уху, чтобы уловить звуки. Интересно, слуховые аппараты досюда еще не добрались? Фермерша может визжать, как недорезанная свинья, и все впустую, если только у старика не будет этого кулька в ухе.

Вот что меня нервирует: некоторые люди начисто лишены чувства опасности. Зато потом вызывают полицию, а что та может поделать, кроме как запротолировать нанесенный ущерб? К тому же фермерша довольно миленькая, наверняка кое-кто может польститься.

На ее месте я бы все же поостерегся. Что это со мной – профессиональный заскок или повышенное чувство ответственности? Вечно мне повсюду мерещится зло. Потому что до того, как произойдет худшее, можно принять меры. Потом слишком поздно. Я знаю, о чем говорю.

А еще, помимо двоичного подхода, мне никак не отвязаться от стереотипов. Некоторые поговаривают о психологической зашоренности, я же предпочитаю называть это прагматизмом! Констатация, статистика, факты. Одинокая женщина на ферме в горах подвергает себя опасности. И точка. Ладно, стереотип «безмужняя крестьянка в цветастой юбке и клетчатом переднике» основательно подкачал. Но Мари Берже – это исключение, подтверждающее правило. Пресловутая запятая, образующая дробь в системе целых чисел.

И тем не менее. Мадлен сказала бы: *Вот ведь чертова пигалица*. Кстати, как там дела у Мадлен? Два месяца назад она уже выглядела сильно ослабевшей. Конечно, два месяца большой срок, но с этим переводом и переездом мне так и не удалось выкроить время, чтобы к ней заехать. К тому же теперь путь не ближний. А хуже всего, что она даже не обидится. Уж больно она добрая, Мадлен. Только несчастлива в своем «четвертом возрасте», который кажется ей невыносимо долгим. Ее помощница по хозяйству очень обходительная, но думаю, в глубине души Мадлен решила, что пора уходить. Она держалась, потому что ей всегда было чем заняться. Теперь она больше ничего не может, так чего ради тянуть резину? Обязательно наведаюсь к ней на той неделе.

Мадлен... Когда ее не станет, где я буду проводить выходные?

Куплю себе бордер-колли, оставлю где-нибудь при стаде и буду навещать в свободное время.

Ну ты даешь, парень! Покупать собаку просто для компании. А не пробовал сам стать более компанейским, а?! Тогда не пришлось бы обзаводиться собакой, чтобы заполнить снедающую тебя эмоциональную пустоту, просто завел бы пса для чистого удовольствия.

4

Этим утром я управилась раньше обычного. Коров на дойке сейчас стало меньше. У большинства уже нет молока, и всего несколько новых телочек, которых нужно приучать к дойке, что всегда занимает уйму времени. А стоит поторопиться и вогнать их в стресс, получается еще хуже. У них не идет молоко, так что я все равно в пролете. Но кто говорит «затишье», говорит и «готовься к череде отелов».

Так что и сырами я занялась раньше намеченного часа. Тем лучше, останется время испечь пирог к полудню. Как всегда, в четверг к обеду пожалует Антуан. Я заранее радуюсь. Мне с ним хорошо. А он обожает мой яблочный пирог. Меняю утешение на выпечку. Это же по-честному, верно?!

Все вроде бы ничего, но когда вытаскиваешь из формы и переворачиваешь пятикилограммовые головки сыра, то вскоре начинают неметь руки. Поэтому я регулярно делаю перерыв, поглядывая в запотевшее окно сыроварни и проигрывая в голове мотивчик из Уолта Диснея. «Однаааажда придет мой Приииииинц». Белоснежка и двадцать семь коров. Вот где романтика!

Однако, подруга, принцы не женятся на крестьянках. Особенно если от них несет коровами и кислым молоком. И что поделать, если принцы водятся только в дальней дали? А сама ты сподобишься хоть ненадолго вылезти из своей затерянной долины? С другой стороны, учитывая расписание доек, не так уж тебе сподручно мотаться по долине. К тому же в последний раз, когда я поверила в волшебную сказку, она плохо кончилась. Я надкусила отравленное яблоко, а когда очнулась, меня здорово мutilо. Надо бы повесить табличку на ворота:

Прекрасный принц, иди своей дорогой —
Теперь крестьянка стала недотрогой⁶.

Тогда я хоть буду уверена, что больше страдать не придется. И получу очередное нравоучение от Антуана, это точно.

Глядите-ка, лейтенант? Это расследование что, никогда не закончится?

На обычной машине, без всяких там сирен и полицейских раскрасок! Один! Он за сыром или за ответами на очередные вопросы?

Альберт нехотя гавкает. А вот это дурной признак, он начинает привыкать. Стоит сказать о нем доброе слово, почесать пару раз за ушами, и вот он уже пластается перед врагом.

Смотрю, как предполагаемый враг направляется к двери дома и читает записку на двери: «Я на сыроварне». Но он наверняка не знает, где сыроварня.

В конце концов, он коп. Не мчатся же к нему навстречу, еще подумает, будто я его жду, а это совсем не так. Я-то жду прекрасного принца. На сей раз настоящего.

Да ладно, в конечном счете, когда к тебе кто-то заходит, это вносит разнообразие в ежедневную рутину. И потом, может, мне удастся заглянуть в его трещину и посмотреть, не обнаружится ли что-нибудь в глубине. С самыми лучшими намерениями. Не как тот бабушкин окулист. Однажды я наблюдала, как он обследует ее глазное дно своей маленькой лампочкой, светя прямо внутрь, и сказала себе, что там, в самой глубине, наверно, можно разглядеть нашу истинную природу, скрытую за оболочкой. Это как заглянуть на кухню ресторана. Очень познавательно. Только никто этого никогда не делает. Едим, понятия не имея, что там творится, и не задумываясь о тараканах, которые – кто знает? – там ползают.

⁶ Здесь и далее перевод стихов А. Давыдова.

Когда он наконец пришел к заключению, что ничем не может ей помочь – зрение у бабушки неумолимо снижалось, – я спросила у него, что же он там увидел, может, нужно проконсультироваться еще у кого-нибудь. Он глянул на меня с мерзкой улыбочкой и ответил, что нет, изнанки трусиков он не разглядел.

Скотина!

Мне куда лучше здесь, в моей сыроварне, в часе езды от ближайшего города, чем там, где будешь наткаться на типов с похотливыми улыбками, которые думают об изнанке трусиков.

– Я вас не отрываю? – спросил он, простояв несколько долгих минут у меня за спиной.

– Если я могу продолжать заниматься своими сырами, то нет, не отрываю. Опять ваше расследование? Оно еще не закончено?

– Нет, то есть да, то есть не совсем, мне еще нужно задать вам один-два вопроса.

– Как дела у кюре?

– Получше, получше, он уже дома и забрал жалобу.

– Вот и хорошо. Жан-Рафаэль больше не будет. Он не опасен.

– Вы слышали о краже в деревне?

– Да, такое случается. К счастью, никто не ранен.

– У вас в доме есть тревожная кнопка?

– Вы шутите? Тревожная кнопка на такой старой ферме, как моя? А где я возьму деньги, чтобы за нее платить? В любом случае, не считая коров и сыра здесь нечего красть.

Или он с луны свалился, или действительно ничего не знает о жизни в деревне и о том, сколько денег на банковском счете у фермера. Тревожная кнопка! Может, мне еще поставить GPS на трактор, ролл-ставни на окна и джакузи с кипящими пузырьками в ванную комнату?! Положим, джакузи с кипящими пузырьками – это было бы здорово. Особенно когда вечером все тело ноет и нет никого рядом, чтобы сделать мне массаж и разогнать молочную кислоту⁷. Иногда у меня ее столько под кожей, что кажется, будто там перекачиваются не мускулы, а сыр.

Так что о ванне с пузырьками не стоит и мечтать. Те крохи, что мне удалось отложить, пойдут на замену трактора, который заводится через раз. Антуан больше ничего не может для него сделать. Так что в скором времени – прости-прощай, мой старенький «Дейц» без кожуха. Антуан расчленит его, как лабораторную мышь, чтобы отобрать несколько запчастей и избавить нас таким образом от дополнительных трат – бессовестный владелец гаража за один день работы выставляет мне счет как за две дойные коровы.

Новый трактор мне нужен еще до наступления зимы, иначе я не смогу расчистить от снега коммунальные дороги и контракт с мэрией уплывет у меня из-под носа. Мой кусочек масла на хлеб, а иногда и просто хлеб – год на год не приходится.

Даже самый простенький трактор стоит целое состояние. И однако здесь, в горах, стремятся приобрести нечто практичное, солидное, удобное. Не просто для понтов, как парни из долины. Можно подумать, для них трактор – главное в жизни. Они обхаживают его усерднее, чем собственную жену, если только им удалось ею обзавестись. Антуан говорит, что у крестьян размер трактора обратно пропорционален размеру пениса. *Большой трактор – маленький член*. Чтобы чувствовать себя во всеоружии. Надо же. Под одеялом это ничего не меняет, зато спасает репутацию и придает тебе вес. Эти типы могут гарцевать в полях, гордые, как павлины, с лишними лошадиными силами вместо перьев.

У Антуана трактор совсем маленький.

Значит, на его теорию можно положиться.

И тут я ловлю себя на том, что задаюсь вопросом, каким трактором обзавелся бы лейтенант, будь он крестьянином. Может, в жандармерии то же самое с оружием. Большой калибр – маленькая пиписка.

⁷ Молочная кислота образуется в мышцах при больших нагрузках.

Притормози, подруга, слышишь?! Тебя вроде заинтересовала его пещера наверху, а не его горный удав, обретающийся куда ниже.

– У вас есть какая-нибудь вычислительная техника, телевизор? – продолжает он.

– Нет, только ноутбук.

– Но вы сами...

– Меня трудно продать из-под полы. Моя рыночная стоимость невелика.

– Я говорил о вашей...

– Да хватит вам беспокоиться о моей безопасности. Вы повсюду видите зло. Здесь не город.

Тут он мне вываливает целый ворох статистических данных о сельской преступности, о серьезных правонарушениях, совершенных на уединенных фермах. Кошмарные вещи, должна признать. Я не мешаю ему говорить, кажется, его это действительно тревожит. Мне-то плевать, я не боюсь. Я знаю, что против судьбы не попрешь. И потом, я сумею за себя постоять.

Пока он расписывает мне всякие ужасы, я размышляю о яблочном пироге. Если уж я забрала что-то в голову, не люблю менять планы. А потому предлагаю продолжить разговор в доме. Пусть почистит яблоки, пока я приготовлю тесто. Только старики не могут делать два дела одновременно. Когда я прогуливала бабулю по дороге, она всякий раз останавливалась, если хотела мне что-то сказать. А я не понимала. Пока не прочла однажды в научном журнале, что это связано с возрастом и с умственной деградацией. Они могут упасть, если будут разговаривать на ходу.

С ножом в руке он спрашивает меня, где живет моя семья? Я рассказываю о матери, которая произвела меня на свет, позабыв полюбить, и предпочла собрать чемоданы, лишь бы не заниматься стиркой, а потому отбыла не знаю куда, не знаю с кем. Мне было шесть месяцев. Или около того. Никто мне так и не рассказал подробности.

– И вы никогда не пытались найти ее?

– А зачем? Она меня больше не хотела видеть.

– Ну да, конечно.

– В мире всем найдется место, в том числе и женщинам, которым не нужны их дети.

– И детям, которые тем не менее с этим справляются? – спросил он без особого убеждения, как если бы был уверен в обратном.

– Конечно справляются. Разве я кажусь несчастной?

– Нет.

– Неуравновешенной?

– Вовсе нет.

– Потенциальной самоубийцей?

– Нет. Хотя жить одной в горах – это в чем-то похоже.

Забавно, он чистит яблоки, начиная с верхушки и ведя нож кругами, чтобы шкурка получалась как можно длиннее. Я в это тоже играла. Мы даже соревновались с дедом. У него неплохо получается. Он это делает без всяких раздумий, как если бы по-другому и не мыслил. По крайней мере, руки у него растут из правильного места. Успокоительная мысль, учитывая его манеру наставлять на людей пушку!

Я рассказываю и об отце, которого вижу слишком редко. Сколько себя помню, он мотался по миру с дипломатическим чемоданом, так что удобных случаев представляется немного, один-два раза в год. А с тех пор, как он, влюбившись, обосновался в Таиланде, встречи стали совсем уж несчастными. По крайней мере, он подождал, пока и я не сделаю то же. Обоснуюсь, а не влюблюсь!

Я вспоминаю дедушку с бабушкой, которые вырастили меня как свою дочь, на ферме, пытаюсь возместить отсутствие матери и непоседливость отца. Бабушка всегда говорила отцу

тайком от меня, что ребенку нужна стабильность, чтобы выстроить себя. А я умела прятаться лучше, чем они. И все слышала.

Стабильность? Я стартовала в очень невыгодных условиях. Свою стабильность я обрела здесь, на ферме, с коровами, ритмичной сменой времен года и периодическим переворачиванием сыров. Только подростком я испытала желание последовать по стопам отца. Возраст, когда все возможно и хочется открыть для себя мир. Когда дедушка с бабушкой начинают казаться безнадежно устаревшими. Я уехала с отцом в Японию, на целый год. Это послужило отличной прививкой. После этого мне хотелось только одного: вернуться на ферму. И я больше не считала дедушку с бабушкой устаревшими, ни на йоту. Я их считала нормальными. Именно их. Мне не хватало моих гор, а жизнь в Японии казалась совершенно безумной. Столько людей, повсюду. Я была как ежик в «Галери Лафайет»⁸ в первый день летних распродаж. Мои колючки отросли именно тогда – чтобы меня не затоптали.

Тогда-то я впервые подумала, что неправильно выбрала время, чтобы появиться на свет. Подходила к концу моя юность, а у меня складывалось впечатление, что следует жить ценностями поколения дедушки и бабушки. Поколения, которое не боялось работы. Которое было способно полностью себя обеспечить и ни от кого не зависело. Сдобное тесто, которое подходит у плиты. Варенье в буфете. Кружочки сушеных яблок на веревочках в сарае. Лук в риге. Погреб, полный домашних заготовок. Свежие яйца. А еще это было время, когда старикам позволяли умирать дома, и соседи приходили на ночное бдение.

Когда давали себе время жить, и жить всем вместе. И во взаимном уважении.

А потом дедушка заболел. Естественно, ежедневный уход был на мне. За несколько дней до смерти он заставил меня пообещать, что я возьму на себя и его ферму, потому что знал, что там я чувствую себя в своей стихии. А еще чтобы не распалось стадо, которое он столько лет составлял, отбирая лучших коров, случая их с хорошими быками, проводя всю жизнь в поле или рядом со своими животными. Его стадо было итогом целой жизни. Он и представить себе не мог, чтобы его смерть все разрушила. Как если бы целая коллекция Пикассо должна была отправиться на помойку. Разумеется, его коровы имели меньшую ценность в глазах мира, чем полотна великого художника. Никакой ценности. Но не в его глазах. Вот уж точно, не в его.

Когда он умер, бабушка замкнулась, как устрица. Она еще улыбалась мне, мы немного разговаривали, она готовила еду, но за занавесками больше никого не было. Она ушла вместе с ним. Ее суть, то, что скрывается за глазами, если уметь правильно смотреть. Не как этот козел. Душа, дух, внутренняя сущность, содержательная основа – называйте, как хотите. Я называю это пещерой, потому что нужен свет во лбу, чтобы найти ее, третий глаз, как у спелеологов, и к тому же никогда не знаешь, что там обнаружишь. Она может скрывать сокровища, а может быть пустой и холодной. Мало людей, чьи пещеры интересно исследовать. У Антуана это пещера Али-Бабы.

Бабушка умерла три года спустя. От горя, сказал врач.

– А ваш дедушка был прав относительно фермы?

– Я тут счастлива. Здесь есть все, что мне нужно. И я сохранила его стадо. Потомство его лучших коров.

Я поставила подогреться жаркое, приготовленное накануне. Хватило бы и на троих, но мне не хотелось его приглашать. Четверг был посвящен Антуану. И потом, я его недостаточно хорошо знаю, этого копа. Мы вместе овец не пасли.

Услышав, как подъезжает внедорожник, он осознал, что я кого-то жду.

– Оставляю вас. Звоните мне без колебаний, если возникнут хоть какие-то проблемы.

⁸ «Галери Лафайет» – французская сеть универмагов. Флагманом сети служит аналог ГУМа – пассаж со стеклянным куполом и декором в стиле модерн, который был открыт в 1912 году в Париже.

И он протянул мне свою визитную карточку. Я дала ему с собой небольшой кусочек сыра. Все-таки он почистил яблоки.

Я видела, как они мельком пересеклись во дворе. И это сработало. Антуан даже «здрасте» не сказал, а сразу заговорил о нем:

– Эй! У тебя хоть номер его есть?

– Хочешь его визитку? Лейтенант Деломбр. Это по поводу дела Жан-Рафа. Забудь! Он холоден, как бидон с молоком.

Но в коровьем вымени молоко теплое. Оно стынет, когда оказывается снаружи. Может, и с ним так же. Кто сказал, что когда-то и он не был теплым, а время, жизненные испытания и...

Может, уже хватит моему мозгу пытаться исследовать чужие пещеры? И подыскивать ему оправдания? Может, в этом типе ничего хорошего и нет.

– У него остались к тебе вопросы?

И тут я осознаю, что ни одного вопроса относительно расследования он мне так и не задал. Надо держать ухо востро, ведь известно, как копы умеют манипулировать людьми, чтобы добиться всяких признаний.

Антуан находит его очень соблазнительным. Обратное меня бы удивило.

А я нахожу его притягательным. Обратное удивило бы бабушку.

5

Отправляясь вчера к ней, я понял, что у меня нет никакой конкретной цели, даже ни единого вопроса по расследованию. Оно же завершено. Мне просто хочется установить, к какой категории ее отнести?

Или же я туда еду для собственного спокойствия. Глупо, но я постоянно это пережевываю. Влияние ее коров, без сомнения. Ладно, хватит! Женщина, одна, в глуши, в какой-то затерянной долине, на опушке леса, и поблизости никого, кроме парочки глухих стариков, замученных артрозом, это же приманка для всякой швали. Она может защитить себя? Хотелось бы посмотреть!

Когда я зашел в сыроварню, она не обернулась, слишком занятая своими сырами. Какое-то время я разглядывал ее со спины. На ней был большой клеенчатый белый фартук, в цвет сапог. На фермах свой цветовой код, что ли? Зеленый для коровьего навоза, белый для сыра, а когда она занимается соломой, то натягивает желтые сапоги?

В помещении царил знойная жара, а уровень влажности приближался к полному насыщению. Атмосфера тропического леса. На Мари короткие бермуды. Я видел, как по ее ногам стекают капли пота. Сверху на ней была довольно широкая фиолетовая футболка без рукавов с открытой спиной, никаких бретелек не торчало. Значит, без лифчика. Я подошел. Пот лил с нее градом. Даже три часа на велосипеде по солнцепеку не оказывают на меня такого эффекта. Несколько прядей ее волнистых волос приклеились к мокрому лбу, а остальные короткими резкими взмахами следовали за движением тела, ворожающего формы, чтобы извлечь из них сыры. Каждый ее жест был выверен, и мускулы сокращались, чередуясь в быстром ритме. У нее были руки чемпионки по лыжным гонкам. Крепкие, с четкими красивыми очертаниями и венами, выступающими как канаты под ковром. В вырезе довольно просторной футболки виднелось начало блестящей ложбинки между грудями.

Мое представление о сарделькообразной – даже в утягивающем белье – фермерше в платке и цветастой юбке потерпело сокрушительный удар.

А моя внутренняя температура приблизилась к красной черте, причем без всякой связи с жарой в помещении. Когда я почувствовал, что в штанах стало тесно, я сменил тему и заговорил о краже. Прошло лет двадцать с тех пор, как я последний раз испытывал подобное ощущение. То, которое заставляет нейроны выплясывать самбу под бешеный сердечный ритм, пока эти самые нейроны не оказываются между ног. У меня действительно было впечатление, что все они покинули черепную коробку, оставив вместо серого вещества белую вату. Я протрубил сбор, и они впопыхах выдали мне какую-то идиотскую статистику.

Наверняка я выглядел дебилом, когда излагал ей все цифровые данные по преступности в департаменте, потому что она в конце концов закрыла тему.

Согласен, мое беспокойство излишне.

И тут она снова выбила мои нейроны из колен.

Она решила продолжить разговор в доме. Ей нужно было приготовить яблочный пирог. Она выложила передо мной нож и яблоки и исчезла на некоторое время, поднявшись наверх. Уставившись на кучку яблок, я вновь задумался о своей церебрально-генитальной самбе. Мне хотелось вгрызться в яблоко. К дьяволу змия и кару Божью! В любом случае, я в это не верю. Но ведь я не раз спал с девицами за последние двадцать лет. Почему же ни одна не оказывала на меня такого воздействия?

Она появилась в чистой сухой майке и легких брючках. Не переставая чистить яблоки, я исподтишка ее разглядывал, пока она замешивала тесто на углу стола. Из своих наблюдений я вывел, что она по-прежнему без лифчика, потому что видел, как два соска бьются о ткань в ритме замеса.

И тут в штанах у меня стало по-настоящему тесно. Черт возьми! Двадцать лет хоть бы хны, а тут дважды с интервалом в пятнадцать минут. Парад планет!

Потом она рассказывала мне о своей семье, о дедушке с бабушкой, умерших один от болезни, другая от тоски, что вызвало новое оживление у меня в паху. Вот в моей семье никто не умирал от тоски по ближнему. Скорее уж от его кулаков.

А потом я услышал, как во дворе с визгом припарковалась машина. Так вот к чему жаркое и яблочный пирог! Я все-таки оставил ей свою визитку, на всякий случай. Только на какой?!

Жаль, пахло вкусно. Теперь у меня не осталось никакого предложения заехать к ней еще раз, тем более что я не задал ни единого вопроса касательно расследования. Надеюсь, она не обратит на это внимания.

Ага, надейся!

Выходя, я столкнулся с огромным парнем. Трехдневная щетина. Открытая улыбка. Ласковый взгляд. Настоящий «добрый молодец»: сила плюс мягкость. Конечно, не такое впечатление сложилось у нее обо мне при первой встрече, когда я наставил на нее пистолет и тявкал, как немецкая овчарка. Я залежала горькая конфета. Если женщине придется выбирать между ним и мной, шансов у меня ноль.

Почему эти крестьяне отсылают мне мой образ, как бумеранг? Бум, прямо в зубы. Вдобавок я и сам себе твержу, мол, так мне и надо, я вполне заслужил свое одиночество, со своей психологической зашоренностью, идиотскими стереотипами и агрессивным поведением.

С другой стороны, они живут здесь как на облаке, как если бы не имели представления, что происходит в настоящей жизни. Старичок со своим кулком в ухе, кюре с подбитым глазом, который забирает жалобу, крестьянка, живущая одна на горе, здоровяк с улыбкой плюшевого медвежонка.

Я-то по крайней мере крепко стою ногами на земле, осознаю, что существует окружающий мир и человеческая низость, и могу с ними разобраться именно потому, что сознаю это. Я в этом родился и вырос. Я знаю, что это, как действует, как с этим справиться – если справиться возможно. Мари – ну вот, я уже называю ее Мари – не сознает опасности, она рискует каждый день, просто потому, что не сознает опасности. К счастью, имеются такие люди, как я, чтобы защищать таких людей, как она.

Я уехал немного обозленный, потому что представления не имел, что это за тип крутится вокруг нее и с чего она готовит ему всякие вкусности. Подумать только, я своими руками чистил яблоки для пирога, который они съедят вдвоем, наедине. Не знаю, станет ли и ему вскоре тесно в штанах и долго ли это продлится, не знаю, почему со мной такое приключилось, или нет, уж это я знаю точно, потому что достаточно мне вспомнить, как ее острые соски приподнимали ткань майки, как у меня снова стоит.

6

Привет тебе, Мари, отменная стряпуха.
Особенно хорош твой яблочный пирог.
Ради него к тебе таскаю свое брюхо.
Но что за парень обивает твой порог?
Ты говоришь, что он зануда и задира.
Но мне почудилась в глазах его тоска.
О ужас, на тебя он наострил рапиру?
Пожалуй, дай еще кусочек пирога.

7

Какой кретин! Нет, ну какой кретин! Как же мне действуют на нервы эти типы, которые являются из города с видом великих умников, в твердой уверенности, что они все про все знают, и считают вас деревенщиной, безграмотной и беспомощной. Я ему сколько раз повторяла, что сумею себя защитить и не боюсь. Так нет же, ему понадобилось удостовериться. Тем хуже для него. Он меня напугал, вот пусть и расплачивается за свои дебильные придумки. Не думаю, что еще раз о нем услышу. А я-то начала считать его привлекательным.

Я подбираю раненых зверушек, бабуля. Что до рода человеческого, я притягиваю больных.

8

Мохнатый паучок.
Нет безобидней создания.
Почему он внушает ужас?

Я кретин! Настоящий! Чемпион среди кретинов!

Лучше б я туда не ездил, лучше б я даже с кровати в тот день не вставал, может, тогда эта дикая идея не пришла бы мне в голову. Так нет же, я уперся, вбил себе в голову, что должен сам проверить, прав я или неправ. Прошла уже неделя, как я видел Мари в последний раз, оставив ее с горой мускулов и яблочным пирогом и увозя с собой свои пляшущие нейроны. Меня преследовала мысль, что она там совсем одна. Дурные предчувствия. Мои дурацкие стереотипы. А ведь следовало бы поостеречься, с фермершей я уже дал маху, но тем крепче, ничтоже сумняшеся, я цеплялся за остальные, в полной уверенности в себе.

Я поднялся к Верхолесью после полудня. Оставил машину ниже фермы и пошел через поля. Если б она меня заметила, я мог бы сослаться на то, что приехал осмотреть окрестности – для расследования. Издалека я увидел, как она вышла из сыроварни и скрылась в доме. Скоро наступит время дойки, сейчас она наверняка пьет кофе, прежде чем приняться за дело.

Я дошел до угла здания. Альберт лежал перед дверью. Про него я совсем забыл. Но учитывая, сколько я его гладил и ублажал, он вроде должен считать меня своим. Послушный пес: стоило скомандовать ему «лежать», как он все исполнил. Дверь оставалась приоткрытой, и слышно было, как по радио передают четырехчасовые новости. Она была на кухне, сидела за столом спиной ко мне, держа кофе одной рукой и листая местную газету другой. Я слегка заколебался, но, в конце-то концов, я же не хотел ей ничего плохого, только заставить взглянуть в лицо реальности. Кто угодно мог зайти к ней и наброситься. Что я и проделал.

Правая рука зажимает рот, левая перекинута через плечо, чтобы не дать ей шевельнуться.

Что произошло затем, я не очень понял. Я оказался на кухонном полу, лежащим на животе, щека вдавлена в холодные формы для сыра, правая рука вывернута настолько, что малейшее движение вызывало невыносимую боль, а на левой стояла ее нога.

– Позвольте мне объяснить... – сделал я попытку.

В ответ она еще больше вывернула мне руку. Я заорал, но она не ослабила хватку. Я видел, как она что-то нашаривала в заднем кармане, потом почувствовал, как мне связывают руки за спиной. Затем она поочередно надавила на каждое мое колено, заставив ноги непроизвольно согнуться, и приторочила их к моим рукам. А потом отстранилась, запыхавшись.

– Я не хотел вам сделать ничего плохого, – повторил я попытку.

– Правда? А с какой стати вы вот так заходите к людям и кидаетесь на них без предупреждения? Чтобы сказать «здрассте»?

– Чтобы показать вам, что кто угодно может к вам войти. Что вы не в безопасности.

– Действительно, достаточно глянуть на вас. И что мне теперь делать? Вызвать жандармов?

Даже не смешно...

Мне было бы трудно оправдаться в глазах коллег.

Какой идиот! Ну откуда мне было знать, что у нее черный пояс по карате, или айкидо, или самбо, или еще чему-то такому... Наверно, это единственное ее стоящее воспоминание о Японии.

И тут она разоралась:

– Я жила себе спокойно, пока вы не явились из вашего города со своими дурацкими рассуждениями о преступности, риске, агрессии и уж не знаю о чем еще. Вы что, не можете оставить людей в покое? Я же сказала вам, что сумею себя защитить. Нет же, вы, городские, вы все знаете лучше всех.

Она была в такой ярости, что я решил не усугублять. Просто заткнулся в ожидании, пока гроза минует. Ведь по сути я оказался не прав. Она могла себя защитить. Без всякого сомнения. Кстати, я попался, как сосунок. Двадцать лет в жандармерии, и вот крошечная девица весом в сорок пять кило швыряет меня на пол, не дав и пикнуть. Я так хотел доказать ей обратное, что даже не задумался, что делаю, как сильно могу напугать. Это себе я хотел доказать, что могу быть опорой и защитой. А вместо этого выяснилось, что я жалкий тип, бесполезный и злобный. Уже тридцать лет я ношу эту шкуру, что могло измениться сегодня?

Я попросил ее развязать меня, извиняясь и заверяя, что урок усвоен. Она бросила на меня мрачный взгляд, допивая кофе. Он наверняка еще не остыл, настолько быстро меня стреножили и лишили возможности причинить какой-либо вред, заставив принять довольно унижительную позу. И тут я проникся горячей надеждой, что никому не придет в голову дурная мысль навестить ее. Особенно той горе мускулов с добрыми глазами.

– Прав был дедушка. Всегда держи при себе швейцарский нож и моток веревки. А теперь меня ждут мои коровы.

После чего она ушла, оставив меня лежать посреди кухни. Так тебе и надо, дурак несчастный! Тем более что теперь я был в курсе, сколько длится полный цикл дойки. По меньшей мере два часа. Напрасно я дергался, она умела затягивать узлы очень крепко. Я даже не мог повернуться на бок.

Тогда я решил, что подожду и подумаю о своей жизни и о том, что должен в ней изменить, чтобы стать похожим на того «добра молодца» и производить на других столь же благоприятное впечатление. Что до мускулов, тут у меня все в порядке, а вот над мягкостью придется поработать.

Наверно, я на какой-то момент отключился, потому что, открыв глаза, обнаружил, что из уголка рта стекает нитка слюны. А главное, прямо передо мной стояла маленькая девочка и смотрела на меня, не говоря ни слова.

– Здравствуй, как тебя зовут? – рискнул заговорить я, видя в ней возможное освобождение от пут.

Никакого ответа. Она продолжала разглядывать меня, как будто решила заучить наизусть. Я поступил так же. Около четырех лет, в простых джинсах, светло-розовой майке и вязаной кофте. Круглое личико и пухлые щеки, усыпанные пятнышками веснушек. Большие зеленые глаза, маленький вздернутый носик. И два чудесных хвостика над ушами.

«Наверное, боги сошли с ума»⁹. Вот фильм, который мне вспомнился. Я был бутылкой кока-колы, упавшей в пустыне Калахари, чем-то необычным, что разглядывают с недоверчивостью и вниманием.

– Посмотри, малышка, в ящике наверняка есть ножницы, не можешь ли ты развязать меня, пожалуйста?

Опять никакого ответа. Она обошла мою несчастную трогательную тушу и присела на корточки, чтобы рассмотреть поближе. От нее пахло клубникой.

– Ты правда не хочешь меня развязать?

И тут она убежала. Я расслышал, как вдали хлопнула дверь коровника, потом звук ее шагов по гравию, когда она вернулась, тоже бегом, улыбаясь во весь рот.

⁹ «Наверное, боги сошли с ума» (*Les Dieux sont tombés sur la tête*) – фильм Джеми Эйса (1980), побивший во Франции рекорды посещаемости. Сюжет: бушмены в пустыне находят пустую бутылку из-под кока-колы, решают, что это дар богов, но в племени из-за нее начинаются раздоры, и главный герой отправляется на край света, чтобы сбросить в бездну опасный дар.

– Я не должна тебя развязывать, но могу разговаривать с тобой, сколько хочу.
Потрясающе!

Ну что ж, давай поговорим!

– Как тебя зовут?

– Сюзи. А тебя?

– Оливье. А ты кто?

– Ну, Сюзи. А ты?

– Ну, Оливье. Но... я хочу сказать... кто твоя мама?

– Ну, мама.

Далеко продвинулись!..

– Оливье как дерево олива?

– Да, как дерево. Ты знаешь названия деревьев?

– Всех, которые в лесу. Мы часто гуляем по лесу, поэтому я их все знаю. Граб, бук, дуб, каштан, береза...

– А оливы в лесу есть?

– Нет, но это любимое мамино дерево. И потом, я люблю оливки в пицце, и она мне объяснила, откуда они берутся.

– Ты живешь здесь?

– Да.

– А твоя мама – это та дама, которая сейчас доит коров?

– Ну да, – произнесла она как нечто настолько самоочевидное, что вопрос показался совершенно нелепым.

Мог бы и сам понять. Но она ни слова не сказала о дочери.

– Это мама тебя связала?

– Да.

– А почему она тебя связала?

– Потому что я ее напугал.

– Ты что-нибудь продаешь?

– Хм... нет.

– Тогда зачем ты пришел?

Вопрос, который я задаю себе уже некоторое время.

А потом из-под какой-то кухонной мебели выползло это чудовище. Огромный мохнатый паук. Ненавижу пауков. Мало кто это знает. Все-таки немного стыдно при моих метре девяноста пяти сантиметрах бояться пауков. Змеи, мыши, кошки – на них мне плевать, но вот пауков... не могу. Насекомое наверняка это почувствовало, потому что двинулось прямо ко мне. И не шевельнуться. Я дунул на него, но в позиции «на животе» возможности моих легких были сильно ограничены. Я дул и дул, в полной панике.

– Ты его боишься? Хочешь, чтобы я его связала?

Я глянул на нее слегка раздраженно. Способен ли ребенок ее возраста на столь убийственный юмор? Но она широко улыбалась, и я тоже улыбнулся. Потом она ухватила его своей ручкой и выбросила вон, заметив:

– Маленькие животные никогда не едят больших. Ты когда-нибудь видел, чтобы курица съела мамонта?

Действительно, не видел.

Если б она знала, почему я боюсь.

– А твой папа? Его нет дома?

– Нет. У меня нет папы. Тебе сколько лет?

– Тридцать восемь.

– Ты старше мамы.

– А тебе?

– Пять с половиной. На будущий год я пойду в подготовительный класс, а потом в школу, это так здорово! У тебя есть девочка?

– Хм... нет.

– А у меня есть мальчик, его зовут Луи, и он очень милый. Он мне отдает кусочек своего полдника. И...

В результате ей удалось помочь мне скоротать время. Она даже попросила поспрашивать ее по таблице умножения на два, она как раз ее учила. Я не очень в курсе, но мне кажется, в ее возрасте учить таблицы еще рановато. Хотя, судя по живости ее ума, может, и нормально. Не считая затекшего тела, я понемногу привыкал к этому дискомфортному положению. Зато мой мочевой пузырь с ним не хотел мириться. Адреналин от паука. Это мощное мочегонное.

– Ты не могла бы пойти сказать маме, что дядя, которого она связала, очень хочет пи-пи и просит разрешить тебе его развязать?

– Хорошо!

Забрезжила надежда выйти из кризиса. К тому же все правда. Не буду же я писать под себя. Ситуация и так достаточно унижительная.

Она вернулась через несколько минут и объявила, что нет, она не должна меня развязывать, и что мама велела сказать мне, чтоб я потерпел. Но что ей велено накрыть стол к ужину. Чем она и занялась со всей добросовестностью. А поскольку я располагался между кухонным столом и посудным шкафом, она аккуратно перешагивала через меня раз десять.

– Ты поешь с нами?

– Не думаю, вряд ли...

– Жаль. Ты такой смешной.

Не сомневаюсь.

9

Сюзи накрыла на стол, устроилась рядом с лейтенантом, у его связанных ног, с листком бумаги и цветными карандашами и рассказывала ему таблицу умножения на два, как если бы в ситуации не было ничего необычного. Довольно странное зрелище. Меня оно рассмешило. Недавний страх ослаб. Однако пугать меня таким образом было непростительно.

– Ну-ка, Сюзи, быстро наверх умываться!

Она встала, положила свой рисунок на пол, под нос лейтенанту, и побежала к лестнице. Паук с милой улыбкой, розовым платком на голове и маленькими сердечками на конце каждой лапы. Я не поняла смысла рисунка. Я не всегда и не все понимаю в Сюзи.

Руки у него приобрели легкий фиолетовый оттенок, наверно, я слишком сильно затянула. Я взяла большой кухонный нож и перерезала веревки, что вызвало у него стон боли. Будет знать. Я велела ему исчезнуть и поднялась к Сюзи, поглядывая в окно, чтобы удостовериться, что он ушел.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы покинуть дом. Наверно, больно было встать и удержаться на ногах, потому что я видела, как он шел через двор, хромя и потирая запястья. Чуть подальше он остановился пописать. Слил по меньшей мере литр, так долго это длилось. Потом он исчез за домом, по-прежнему ковыляя – так ходят босиком по гравию в начале лета.

Спустившись, я поняла, почему у него ушло столько времени. Он взял с письменного стола стикеры и расклеил их повсюду.

Единственное слово.

На шкафу – *Простите*; на столе – *Простите*; на зеркале над умывальником – *Простите*; на двери туалета – *Простите*. Рисунок Сюзи исчез, на его месте тоже был приклеен стикер с надписью: *Спасибо, он очаровательный*.

Стоило его развязать, он снова стал привлекательным.

Мне это не нравится.

Бывают такие люди – не знаешь, к какой категории их отнести: ведут себя отвратительно, но никакого отвращения к ним испытывать не удастся.словно в ловушку попадаешь, и возникает ощущение, что ты влип в самую середину паутины, как косоглазая муха, которая не смотрит, куда летит.

В мои планы не входило запутаться в паутине и дать себя сожрать почем зря.

Пусть он приходит, этот паук, даже с сердечками на каждой лапе и ангельской улыбкой, я сумею за себя постоять.

10

Может ли одно слово так завладеть вашим рассудком, что вы видите его повсюду и слышите беспрестанно? Оно маячит у вас перед глазами, как самолет, который тащит рекламный транспарант над полным народа пляжем в середине лета, среди бесконечного мельтешения тел. Такое чувство, что оно приклеилось к радужке глаза, как надпись помадой на зеркале. Отражение в нем разглядеть можно, но сквозь это слово.

– Исчезните!

Вот единственное, что она сказала, развязав меня. А потом сама исчезла, поднявшись по лестнице. Я думал, что смогу поговорить с ней, еще раз попросить прощения, постараться объяснить свой поступок. Правда, для начала было бы не лишним и самому в этом разобраться. Но плевать на мои сомнительные объяснения, она все равно решительно не собиралась их слушать.

Вам случалось мечтать, чтобы время повернуло вспять и вы могли бы поступить по-другому в данной конкретной ситуации? Получить второй шанс? Именно это я и испытывал, причем впервые в жизни. Точно так же впервые моя бинарная система дала сбой. Впервые возникло чувство, что у меня изменилась линия рисунка, карандаш в последние дни движется более мягко, округло. Впервые маленькая девочка сказала мне, что я смешной. Говорят, устами младенца глаголет истина.

Впервые мне стыдно за, что я сделал. *Shame on you, poor lonesome cowboy*¹⁰.

Тогда я написал *Простите* на листочках бумаги и расклеил повсюду, хотя мое правое запястье ныло так, что больно было даже ручку держать. Что уж говорить о лодыжках и коленях!

Уходя, я облегчился в канаву. Момент экстаза, глаза возведены к небу в поисках Большой Медведицы. В силу автоматизма самого действия мы просто не осознаем, что писать, по сути, довольно захватывающее удовольствие, прямо пропорциональное степени наполненности мочевого пузыря. Надо будет почаще терпеть.

Прежде чем сесть в машину, я немного прошелся, чтобы размять суставы и унять жгучие сожаления, рвущие грудь, а потом вернулся домой, как последний кретин, не зная, захочет ли она еще когда-нибудь со мной разговаривать. *Исчезните!* Хорошее предложение. Вновь обратиться в пыль, в прах и рассеяться по ветру, чтобы стать ничего не значащим отсутствием. Да и кому меня будет не хватать? Одна только Мадлен взгрустнет.

В эти выходные она показалась мне ослабевшей. С того момента, как она упала у себя на кухне, Мадлен тихо угасает. Я не хочу отправлять ее в дом престарелых. Ненавижу такие места, где складывают стариков в ожидании смерти, прикидываясь, будто доставляют им кучу радости всякими кружками рисования и праздничными карнавалами. Гремь бубенчиками, дедок. И мамаша Люсьен, которая беспардонно пускает слюни, вместо того чтобы дудеть в рожок. Такие заведения высасывают, как вампиры, моральный дух своих подопечных и банковские счета их потомства. Во всяком случае, моего счета не хватит. Поэтому я нанял женщину из деревни, которая приходит утром, днем и вечером и берет на себя все повседневные хлопоты. Та самая пресловутая помощница по хозяйству, которая вцепилась мне в круп с жадным взором стервятника, готового спикировать на свою добычу и разодрать на кусочки, унося последние остатки ее добра. Кроме пианино. Вот его судебные приставы получают только через мой труп. Но до этого еще не дошло. И на сегодняшний день я сижу в Ариеже как раз для того, чтобы этого избежать.

¹⁰ Позор тебе, одинокий ковбой... (англ.) – перефразировка слов известного блюза «Я бедный одинокий ковбой...»

Пусть я ей и не сын, и не внук, Мадлен была мне и матерью, и бабушкой. Уж это-то я должен для нее сделать...

По крайней мере, с ней не будут плохо обращаться. Я бы не вынес, если б после целой жизни, полной бед и жертв, чтобы меня вырастить, с ней бы грубо разговаривали, оставляли в собственной моче на целый день, а то и били. Я бы с ума сошел. Когда мне приходится сталкиваться с несправедливо причиненной болью, я готов все разнести. Самый большой разгром? В четвертом классе, в тот день, когда я зашел в кабинет физики и увидел Ахилла – он стоял в юбке на столе посреди класса, в слезах, вокруг толпились те, кто над ним издевался. Он был моим единственным другом. Все издевались надо мной, потому что я был плохо одет, а над ним – потому что он вел себя как девчонка. Они его прозвали Ахилл-на-шпильках. Он от этого страдал. Во-первых, чувствовал себя не таким, как другие, и это в том возрасте, когда принадлежность к группе представляется жизненной необходимостью, и к тому же его изводили целыми днями. Я тоже не принадлежал ни к одной группе. Мне было плохо со всеми, кроме него. Он был отзывчивым. Мы понимали друг друга. В тот день они зажали его в углу, стянули с него брюки и трусы и нацепили на него розовую клетчатую юбку. Ахилл смотрел на меня с грустью и мольбой, и это сработало, как спущенный курок. Как граната, из которой выдернули чеку. Я взорвался. Сначала я заехал головой в грудь тому, кто держал его брюки, и бросил их Ахиллу. Потом я все перебил. Трем преподавателям потребовалось пять минут, чтобы меня утихомирить. Столы и стулья перевернуты, приборы и бумаги валяются по всему классу, два стекла разбиты, кран свернут на сторону. И разумеется, виновники побиты.

Меня исключили на неделю. Сперва вызвали Мадлен. Она рассыпалась в извинениях перед директором, ссылаясь на мое тяжелое детство, а выходя из коллежа, сказала мне, что гордится тем, как я поступил, только, конечно, не стоило заходить так далеко.

Ахилл так больше и не вернулся. Родители перевели его в другую школу. Я оказался в еще большей изоляции, чем прежде. Все меня боялись. Но, по крайней мере, они больше не дразнились.

Так что пусть никто и не думает причинить зло Мадлен.

И потом, пока она у себя дома, ее окружают воспоминания, знакомые фотографии на каминной полке, ее щербатый сервиз, свадебный подарок, ее кошки, родничок на заднем дворе.

С головой у Мадлен пока все в порядке, а вот со слухом и глазами хуже. Может, она и могла бы по-прежнему шить, но предпочла отдать обе швейные машинки мне – и старую, ножную, и новую, которую я купил ей лет десять назад. Она еще различает пейзаж за дверью, содержимое собственной тарелки и газетный текст, если он напечатан крупно, но вдеть нитку в игольное ушко для нее все равно что сыграть в рулетку, и это действует ей на нервы.

Куда меньше мне нравится ее настойчивое желание пригласить нотариуса. Потому что я знаю, что следующим будет кюре...

Сегодня у нас среда, а у меня до сих пор не сошли следы веревок с запястий. Это только видимая часть айсберга. А в глубине, после того случая, у меня чувство, что я ничтожество, жизнь не удалась и в свои тридцать восемь я всего лишь жалкий коп, который уверен, будто все знает, и не способен ни услышать, что ему говорят другие, ни заслужить их доверие. Не способен привязаться к кому-нибудь, полюбить, создать что-либо вместе. Не способен ощутить хоть какую-то радость. Разве что там, наверху, на ферме.

Когда я заговорил об этом с Мадлен, она сказала, что я не виноват, что в детстве мне пришлось нелегко, вот я и сам стал нелегким, как моя жизнь, но в глубине я хороший человек и однажды найдется кто-нибудь, кто сумеет поскрести и увидеть, что у меня внутри.

Пошлю Мари скребок с инструкцией по применению.

А пока, чтобы не чувствовать себя таким ничтожеством, я должен получить прощение за вчерашнее. Я не могу оставаться с этим *Исчезните*. Пусть она скажет мне, что прощает, я

должен услышать это из ее уст. Я призвал на помощь Мадлен, чтобы она посоветовала, что делать.

– Цветы, мой дорогой. Цветы все могут загладить. Хороший букет и приятное слово.

Я предупредил аджюдана Готье, что сегодня утром буду позже. Срочное дело. Я нарабатываю достаточно сверхурочных на государственной службе.

11

Я была совершенно уверена, что слышала машину. А когда вышла из сыроварни, увидела, как она отъезжает. Что у меня делать «Интерфлоре»? Наверняка какая-нибудь ошибка. И тут ко мне приближается, спотыкаясь, огромный букет, из-под которого торчат знакомые ножи.

– Мамаааааа! Посмотриииии! Я никогда не видела такого большого букета.

Я тоже.

Набор из штук пятидесяти роз всех цветов, такой тяжелый, что Сюзи с трудом его тащит. Я освобождаю ее от ноши, и мы идем в дом, чтобы прочесть записку, прикрепленную к оберточной бумаге.

– Это от кого, мам? От кого это? – спрашивает она, прыгая вокруг меня, как козленок среди бабочек.

– Представления не имею. Сейчас посмотрим...

Кое-какие соображения у меня имеются. Или Антуан за пирог с яблоками, но ведь пирог был не лучше, чем все предыдущие, или тот тип, неуклюжий, как медведь, но все равно приятательный.

Отцепив записку, я заметила про себя, что у меня даже нет вазы, способной их вместить. В любом случае, как говорила бабуля: *Будь у тебя хоть десяток ваз, ни одна никогда не подойдет для букета, который тебе подарили.* А у меня всего одна. Ее собственная, которую ей подарили на свадьбу. Но она совсем маленькая...

Тебе остается только выйти замуж и пригласить человек сто. Среди подарков наверняка будет несколько ваз. Правда, еще нужно найти кандидата, кому сказать «да», и сотню гостей.

М-да. Вообще-то вазу можно просто купить. Надо поговорить с Маджори. У нее точно есть на примете пара мест.

Я дурак,
Знаешь ты,
Что это так.
Дарю цветы
И жду прощения
За мой букет
И приглашения
К вам на обед.

Полицейский-поэт, надо же! Послание трогательное. Скорее всего, он действительно сожалеет. И есть о чем. Правда, знакома я и с другими, которые сделали кое-что похуже и даже не удосужились попросить прощения. Целый год я надеялась, что тот подонок вернется, чтобы сказать, как он раскаивается в том, что сделал. И ничего. Лишнее подтверждение, что он настоящая сволочь, не знающая угрызений совести. Или что я несчастная дуреха, которая попалась, как кур в ощи́п.

И то и другое, мой капитан! Настоящие сволочи без угрызений совести склонны подстергать добычу, если та наивна и грустна.

Но, Мари, ждать каких-то пошлых извинений от тупой, бесчувственной скотины – это как надеяться, что тесто поднимется без дрожжей. Пустая трата времени.

А тут...

Бабуля тоже мне говорила, что нельзя отказывать в прощении тому, кто искренне его просит. Прощение надо использовать как влажную губку: проведешь ею по исписанной доске, и появится шанс написать на ней новый урок.

Но та история с Жюстеном как раз и послужила мне уроком. Я стала недоверчивой. Так или иначе, но, помимо ножа и мотка веревки в кармане, дедушка советовал мне сначала думать, а потом делать.

Завтра четверг, и я послушаю, что скажет Антуан. Когда я не знаю, что делать, за меня думает он. Очень удобно.

12

Ты совсем дурак, приятель, если надеялся, что она ответит в тот же вечер согласием на ужин. Двадцать лет ты ждал, пока в голове (и не только) зазвучит самба, а несколько часов тебе уже кажутся слишком долгими! Ну и что с того? Кому какое дело, если я меняю статус старого холостяка, антипатичного и внушающего жалость, на статус клуба самбы для влюбленных нейронов? Ведь речь-то об этом, разве нет? О любви? Или это долгое воздержание сказывается? Но тогда я подыскал бы себе кого-нибудь подоступнее или посмазливее. Мари не красавица в расхожем смысле слова. Вряд ли ее поместят на обложку журнала «Современная женщина». Она женщина, но не современная. Она родом из другого времени. И доступности в ней тоже нет. Значит, или я мазохист, или я влюблен.

Как тянется ожидание, пока гадаешь, что она решила сделать. Выбросила она их на помойку или поставила на кухонный стол? Второе мне больше по вкусу. Букет стоил мне целого состояния. Но я бы заплатил еще столько же, лишь бы она простила. Я жду и размышляю.

В Тулузе было проще. Никаких размышлений не требовалось. Звонил будильник, я отправлялся на службу, занимался текущими делами. Оперативником в прямом смысле слова я не был, но в тех сводках, которые я должен был составлять, передо мной проходили все человеческие странности и изъяны. Мелкие правонарушения, незаконная торговля всех видов, жестокость в семье, соседские дразги, сожженные машины. Вечером я возвращался домой. Немного рисовал, смотрел спортивную передачу по телевизору, а на завтра все с начала. По выходным виделся с Мадлен или катался на велосипеде. Время от времени трахал соседку сверху, которая строила мне глазки у почтового ящика. Без особого пыла. Никакой самбы. Просто для личной гигиены. Никогда не забывая о презервативе, чтобы не угодить в ловушку девять месяцев спустя. Когда соседка начала устраивать мне семейные сцены, я прекратил забеги наверх, а гигиенические процедуры продолжил в ванной. Одним ударом двух зайцев.

Единственная девица, к которой я питал чувства, была внучка хозяйки, на которую работала Мадлен. Ей было семнадцать, мне пятнадцать. Мы занялись любовью в большом белье-вом шкафу на первом этаже. Мой первый раз. Не ее. Роза-Лина. Я по ней с ума сходил. Но родители у нее были слишком богатые, и она дала мне понять, что ничего у нас не получится: *Понимаешь, моя семья никогда не согласится. Мне нужен мальчик из хорошей семьи.* Нет, я не понимал. Мы же не в Индии. К какой касте я принадлежу? Разве я еще недостаточно страдал? Или это будет преследовать меня всю жизнь?

Она вышла замуж два года спустя, за мальчика из хорошей семьи. И они сделали двух детей из хорошей семьи. И приходили на семейные трапезы хорошей семьи, ради которых Мадлен из кожи вон лезла. Слишком она добрая, Мадлен. Просто добрая. Плохо оплачиваемая. Но ее хозяйка, мещанка до мозга костей, питала к нам слабость. Или жалость? Мадам Ришар разрешала Мадлен время от времени пользоваться старой ножной швейной машинкой. В любом случае она стояла без дела. А мне позволялось прикасаться к клавишам пианино. Когда ее внучка брала частные уроки, я прятался за занавеской, впитывая музыку. А когда инструмент был свободен, перебирал клавиши. Так и приобщился. В обратном порядке. Я не учился играть, читая ноты, я выучил ноты, наигрывая то, что я слышал. А потом Роза-Лина бросила занятия. Они ей надоели. Не страшно, я уже знал сольфеджио. Я был независим. А мадам Ришар разочарована. Она купила мне несколько нотных сборников и усаживалась в кресло у пианино, чтобы послушать, как я играю. Особенно когда почуяла приближение смерти. Она все время просила меня сыграть Траурный марш Шопена. Мадам Ришар была сморщенной, как старое яблоко, которое забыли в погребке на полке, и оно подсохло, вместо того чтобы сгнить. В один прекрасный день она мне сказала: *Когда меня не станет, мой сын продаст дом и вам придется съехать, но вы заберете с собой две вещи – швейную машинку и*

*пианино, это написано в моем завещании. Я был вне себя от радости. Настоящий Плейель*¹¹. Она умерла через два месяца после того, как я обосновался в первой своей квартире, пройдя по конкурсу в жандармерию. Мадлен вместе со швейной машинкой вернулась в свою деревушку в долине Аспы, а я поставил пианино в новой квартире.

Почему она не звонит?

Хотя не исключено, что я ей просто не нужен и она уверена, что избавилась от меня этим своим *исчезните*. А может, всем заправляет тот кобель. Не Альберт. Тот совсем не кобель, а умная, тонкая собака. Нет, я имею в виду лыбящегося гиганта. *Было бы мило с твоей стороны, если бы ты перестал крутиться вокруг моей подружки, – улыбка, – иначе я проломлю тебе череп.*

Здоровенный тип. Съел наш пирог с яблоками, для которого она месила тесто, а ее острые соски проступали под майкой.

Пойду приму горячий душ.

¹¹ *Игнац Йозеф Плейель* (1757–1831) – французский композитор и издатель, основатель фортепианной фабрики «Плейель», существующей и поныне.

13

Антуан с трудом унял гомерический хохот, когда я рассказала ему о своих приключениях. Он представлял себе лейтенанта, связанного на полу моей кухни и умоляющего Сюзи развязать его, чтобы он мог пойти пописать.

– С тобой вечно случается что-то невероятное!

Но он все же признал, что букет роз – это серьезно. Пришлось принести ведро из сыроварни, чтобы поставить цветы в воду. И я все-таки обернула ведро алюминиевой фольгой, чтобы не была видна реклама молочной закваски.

– Люди, признающие свои ошибки, стоят того, чтобы к ним проявили интерес. Чем ты рискуешь, согласившись? После такого он тебя пальцем тронуть не посмеет! В худшем случае проведешь унылый вечер и поставишь на этом точку. В лучшем – проведешь приятный вечер и даже больше, если у вас все сложится. Он не вызывает отвращения. Физически, я хочу сказать. Сколько уже времени ты не доставляла себе удовольствия, я имею в виду твою физиологию?

– Спроси у своей собственной, она в курсе!

– И с тех пор ничего? – удивился он.

А ведь знает, что я ему все рассказываю. Даже такое.

– Еще один довод «за», – добавил он.

– А если он меня бросит, как та сволочь Жюстен?

– А если не бросит? Тебе не кажется, что ты в полном праве переключиться на что-то другое? Или из-за своего печального опыта ты поставила крест на всех мужчинах разом? А Сюзи?

– У Сюзи есть ты. Да и вообще, с тех пор, как он появился, посмотри, что здесь творится! Арест, неожиданное нападение. Он холодный и неприятный.

– Холодные и неприятные типы не знают адресов цветочных магазинов.

– Да, но он унылый, серый, жесткий и...

– Притягательный, ты сама говорила. Вот тебе еще один довод: узнаешь его лучше.

– Ну, не уверена. Мне надо подумать.

– Тогда дай ему помаяться, посмотришь, что он будет делать...

Если вдуматься, так это я холодная и неприятная. Мужик посылает мне букет размером больше Сюзи, чтобы извиниться за свой ляп и пригласить на ужин, а я еще о чем-то раздумываю.

Но мне страшно. Я такая, какая есть, и теперь, когда у меня есть и Сюзи, и Антуан, зачем мне менять свою жизнь? Чтобы получить взамен что?

Я думала, что со временем забыла Жюстена, но боль все еще не прошла. Он всадил мне нож в спину, я думала, что рана зарубцевалась, а она открывается снова и снова.

Может, мне удастся выздороветь, а? Вылечит ли меня другой, или ему удастся только чуток стянуть края раны? Но мне хочется верить, что я достаточно взрослая, чтобы исцелиться самой.

Путь к выздоровлению пролегает через осторожность. Я послушаюсь совета Антуана и дам этому типу помаяться. Если он продолжит настаивать, я соглашусь.

14

В ведро поставим розы, не в вазу, не в кувшин,
Мне видеть очень грустно вокруг тебя мужчин.
С печалью от сраженья отказываюсь я.
Я чую поражение: теперь ты не моя.
Он симпатичный парень, улыбчив и раним,
Вам быть удачной парой, так оставайся с ним.
Я знаю, миг настанет, пройдет немного дней,
И мой соперник станет, конечно, ей родней.
Пора ж свою опору и рыцаря назвать,
Ему придется скоро ей верность доказать.
Чем мил он, не сумею сказать наверняка,
Но точно, что милее он этого хорька.
Она моя отрада, на якорь ставший бриг.
Соваться к ней не надо, предупреждаю, шпик.
Она в житейском море мне светит, как маяк.
Уймет тоску и горе Мари, судьба моя.

15

Почему она не звонит? Почему мне никто никогда не звонил, кроме не в меру любопытной библиотечарши и любвеобильной соседки в старом доме, которая была совсем не в моем вкусе? Впрочем, когда надо просто кого-нибудь трахнуть, перебирать не приходится. А вот ежедневно набирать чей-то номер – дело другое...

Кстати, а какие женщины в моем вкусе?

Она должна быть маленькая, потому что я должен ощущать себя защитником, а если нужно вставать на цыпочки, чтобы поцеловать ее, или бегать вокруг, чтобы обхватить, тут мне становится не по себе.

Крепкая, потому что я собираюсь брать ее с собой на велосипедные прогулки и не хочу ждать до морковкина заговенья на каждой горке.

Умная, чтобы мне было с кем поделиться, потому что есть чем, за неимением в прошлом всего остального.

Храбрая, потому что только так можно справиться, а если я встречу девушку, которая не справляется, как же справлюсь я сам?

Чувствительная, потому что я сам такой и нуждаюсь в понимании. Только чувствительный может понять чувствительных. Тут вырисовывается одно тонкое различие между восприятием определенной формы чувствительности как достоинства и отношением к ней же скорее как к недостатку. У меня реальных недостатков выше головы, так что я не хочу добавлять еще и этот в глазах той, что меня полюбит.

Во всяком случае, после Розы-Лины и ее ответа, сработавшего как гильотина, я примирился с неизбежным. С какой стати мне надеяться найти достойную девушку, если я родился в грязи, человеческой и материальной?

Итак, кто в моем вкусе?

Маленькая, крепкая, умная, храбрая, чувствительная.

Мари.

Я действительно полный идиот. Думаю, я потерял все шансы еще раз ее увидеть, когда набросился на нее. И она права. Я ее не стою, даже если речь идет просто об ужине. Это невыносимое ожидание не дает мне заснуть уже три дня. Потому что я раздумываю, подсчитываю, пережевываю, представляю себе, надеюсь, отчаиваюсь, цепляюсь, брежу, принимаю душ, рисую. Мне даже кажется, что этой ночью я молился. Последняя надежда отчаявшегося!

Это и есть любовь? Настоящая, я хочу сказать. Та, которая творит прекрасные пары на долгие времена. Спасибо, дорогие родители, этому вы меня не научили. Мадлен дала мне любовь, любовь к ребенку, но ее саму я никогда не видел влюбленной. Поэтому кручусь как могу со своими мигрирующими нейронами, бунтующими мужскими гормонами, которые приходится умирять холодным душем, и полным разбродом чувств. Я разберусь с ними по мере сил. Если я сумел самостоятельно научиться рисовать и играть на пианино, сумею научиться и любви.

В свое время я уже начал, но с плотского аспекта: взял в районной библиотеке в Тулузе все книги по теме женской сексуальности. Если у тебя нет машины, это еще не повод не учиться водить. Пусть у меня мало надежды встретить женщину своей жизни, тем более нельзя опростоволоситься, если чудо все-таки свершится. Некоторые мои коллеги смотрят порнофильмы по ночам, если дежурство выдалось спокойное и совсем скучное. Меня от этого мутит. Полное впечатление, что ты в мясной лавке, где на полках разложены куски мяса, а когда его переворачивают, слышно «плюх! плюх!». Это те же сослуживцы, которым я скрепя сердце спас карьеру, когда застал их в фургончике в тот самый момент, когда толстяк Дюрье собирался засунуть

свой стоящий член между ног бедной девчонки, которая отбивалась, как могла, а другой тем временем удерживал ее распластанной на сиденье.

– Да ладно вам, лейтенант, она же шлюха, привыкла раздвигать ляжки, с нее не убудет. Лучше попользуйтесь разок. Хоть расслабитесь.

– Она шлюха, когда решает быть шлюхой. На данный момент она такая же женщина, как и любая другая. Убери от нее свои грязные лапы, а ты натяни штаны, иначе я прострелю тебе яйца. Вот это меня расслабит. В любом случае ничего лучшего ты не стоишь.

Еще секунд тридцать, и они вытащили бы чеку из той же гранаты, что и в кабинете физики, когда я был подростком. Только мысль об их детях помешала мне дать делу ход. Мало того, что отцы им достались полные недоумки, а тут и жить станет не на что. А вышеупомянутую девицу я отпустил на все четыре стороны, вручив ей стаканчик бодрящего кофе из автомата, координаты Анни, моей коллеги, которая специализируется на помощи женщинам, попавшим в скверные обстоятельства, и адрес приюта.

Я неприятен в общении, но я не сволочь. Тем более в отношении женщин. Если б я не вмешался, меня б это преследовало всю жизнь. Может, потому, что я слышал за перегородкой, как мать кричала отцу, чтобы он отстал, потому что она не хочет, а потом видел, как она плачет в ванной, после того как затихало его громкое поросычье сопение.

Мы слеплены из того, что нам довелось пережить, – и повторяем это или пытаемся изгнать.

Нет уж, я, готовясь к чуду, предпочитаю книги. Их приятно листать, особенно старые индийские по Камасутре. Надо полагать, что библиотечарша, которая их выдавала, решила проверить, действительно ли я все усвоил, потому что однажды она вернула мою абонементную карточку с приклеенным листочком, на котором был записан номер ее телефона. Таким образом я перешел к практическим занятиям. Похоже, курс был неплохо усвоен, потому что она попросила повторения пройденного. Но она начала ко мне привязываться. И я больше ни разу не появился в библиотеке. Купил пару книжек во «Фнаке»¹². Этого хватило. В любом случае, я уже все прочел. А память у меня хорошая.

Доказательство – моя соседка сверху: я все помнил. И она тоже попросила повторить. И тоже привязалась.

Я не хочу, чтобы женщина ко мне привязывалась. Она рискует остаться несчастной, как Мадлен. Но ведь чтобы пара просуществовала долго, нужно хоть немного привязаться, верно?

По субботам Мари торгует на рынке в Фуа.

Откуда я это знаю? Я коп или кто?!

И тут я заколебался. Поехать поглядеть на нее тайком, чтобы мне еще поплохело? Или получше?

Поискать другой способ выплаты контрибуций, кроме как цветами?

Но какой?

Плюнуть и сделать вид, что ее не существует?

Опять-таки, я не знаю как.

Я осторожно продвигаюсь, отыскивая ее прилавок. Народу много, погода хорошая, это поможет мне остаться незамеченным.

Она была там, в конце улицы. Прислонившись к стене углового дома, я уставился на нее. Она грациозна в каждом своем движении. Даже когда выдает сдачу. Грациозна и улыбчива. Когда я вспоминаю о неповоротливой толстухе с волосками на подбородке, которую представлял себе, впервые появившись на ферме...

Люди наверняка начинают задаваться вопросом, что я тут делаю уже больше часа, почему стою, подпирая фасад и глядя в одном направлении. Но я могу смотреть на нее бесконечно.

¹² «Фнак» – сеть книжных магазинов во Франции.

Кто-то, наверно, задал тот же вопрос городской полиции – с чего я тут торчу уже битый час, – потому что они подошли ко мне. Моего удостоверения было достаточно, чтобы они развернулись и отбыли без лишних вопросов. *Катитесь отсюда, у меня серьезное дело* – вот что они прочли в моих мыслях. Ну и что? Это же правда!

Так-то оно так, но рынок подходит к концу, я должен что-то предпринять, не могу же я просто позволить ей уехать. Во всяком случае, не попытавшись хоть что-то ей сказать. Она не желает отвечать – за чем же дело стало, я все возьму на себя.

Встать на колени перед ее прилавком посреди всех зевак? Ну, до такого я еще не дошел, стыда в своей жизни я уже нахлебался. А поскольку я отчаянный трус – еще одно из моих больших достоинств, – я к ней не подойду. Перехожу улицу, решив следовать дорогой цветов.

– Здравствуйте, месье, о, столько роз я сейчас не наберу, если вы хотите букет, как в прошлый раз!

Она очень горда собой, эта цветочница, и улыбается из-за прилавка, радуясь последнему замечанию. Еще бы она меня не помнила! Одним букетом я переплюнул всю ее дневную выручку!

– Одной-единственной будет достаточно. Красной. С маленькой карточкой для записки.

– Хмм... Ей повезло!

– Это для мужчины!

На ее лице медовая коммерческая улыбка сменяется неуверенной гримасой отвращения. Я не удержался. Куда она лезет? Это ведь мое дело, верно?! Нервный смешок вырывается из ее горла, когда я говорю ей, что шучу. Она хоть успокаивается. Как смешны эти люди – делают вид, что совершенно не гомофобы, но лишены малейшего актерского дарования. Ну да, стоит сделать шаг в сторону, и все от вас шарахаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.